

С.Н. АФОНИН

**ИНТЕРНАТ
СКИЙ
ЭТЮД**

Родился в 1939-ом в Киеве. Война. Когда мы ехали в Сибирь в эвакуацию, наш поезд разбомбили немецкие самолёты.

Мама была тяжело ранена. Я с сестрой Кирой чудом уцелели. Отец погиб на фронте под Сталинградом.

В 1944 году вернулись в Киев. Сплошные руины.

В 1945 году встретил праздник Победы на крыше нашего дома. Вместе с ребятами любовался многоцветным салютом.

На следующий год пошёл в школу на родной Миллионной улице. Мама тяжело болела, и по её просьбе меня приняли в интернат.

* * *

Улица Артёма, 44. Здание из красного кирпича. Здесь мой новый дом. Рядом пленные немцы строили особняк для Александра Корнейчука и Ванды Василевской. Один из рабочих неплохо играл на губной гармошке. Кое-кто из них просил: “Brot! Brot!”

Но с хлебом у нас в школе были проблемы. В 1947 году отменили хлебные карточки, но всё равно было голодно.

...На столе стоит тарелка с нарезанным хлебом. Группа ребят шагает вокруг по команде физрука: «Раз-два!» Все смотрят на горбушку (она ценилась больше всего). И почему-то, когда раздавалась команда «Стой!», первым самый лакомый кусок чаще всего хватал Борис Сенченко: физрук был его отчимом, он знал, когда давать приказ.

Потом с питанием стало лучше. Кое-кто умудрялся делать хлебные запасы (сушили пайки на батареях). В ту пору у нас в классе повелась игра:

Кто-то из «богатых» становился на переднюю парту и кричал: «На драчку-собачку становись!» Самые голодные собирались в пространстве между учительским столом и доской, и тут же в ораву летел кусок хлеба. Начиналась возня, потасовка...

У меня была кличка «Повар». Непонятно, поскольку даже сейчас могу приготовить только яичницу.

В столовую ходили в две смены. И надо было управиться с едой в считанные минуты. Эта привычка, к сожалению, осталась у меня на всю жизнь.

В те годы воспитательницей у нас была Александра Владимировна. Она следила за тем, чтобы мы после обеда сделали все уроки. Однажды она размечталась: «Вот выиграю в лотерею деньги, ребята, куплю вам сто граммов кильки... каждому».

* * *

Учиться было интересно. Масса предметов. Интересные преподаватели. Старался получать «пятерки», понимая, что это будет приятно маме и сестре.

Украинский, русский, английский языки – в каждом из них своя мелодия, свои тонкости. Шевченко, Франко, Пушкин, Гоголь, Шекспир, Диккенс... перед нами открывался мир отечественной и мировой культуры... Ходили в театры, музеи...

Кто-то из ребят придумал шуточную прибаутку на трёх языках: «into the my большой кішениа», и мы часто повторяли её к месту и не к месту.

В авиамодельном кружке смастерил свой первый самолёт, назвал его «Романтика» и отправил в свободный полёт. Он продержался в воздухе довольно долго и приземлился у далёкого каштана. Я был счастлив.

Литературный кружок в старших классах. В одном из рассказов я описал поездку с сестрой на Урал к родственникам её мужа. Природа там изумительна! Я восторгался в основном пейзажами. Но меня огорчило (именно так я писал) то, что увидел там линию электропередачи. А мне ведь хотелось побывать в настоящей глуши...

Писал разные стихи. Кажется, тогда родились строчки о Большой Медведице: «Ковшом зачерпну семизвёздным прохладную синь небес...»

Люблю украинские песни, особенно «Рідна мати моя...»

Увлекался шахматами. Я сидел с Володей Морозовым на задней парте, и мы частенько разыгрывали с ним партии. Азартным был и Володя Надашкевич. Несколько шахматных задач я опубликовал в «Вечернем Киеве».

* * *

1950 год. На стене в коридоре появилась карта Кореи, на которой флажками отмечался ход боевых действий. И так продолжалось три года, пока шла война в этой стране. И кто бы мог подумать, что Володя Надашкевич в будущем станет корреспондентом ТАСС в КНДР.

В школе я впервые услышал о героической борьбе вьетнамского народа и, конечно, не мог предположить, что свяжу свою жизнь с этой прекрасной страной. (После Института восточных языков при МГУ я работал несколько военных лет во Вьетнаме в качестве постоянного корреспондента ТАСС и газеты «Комсомольская правда». Потом писал об окончательной победе Вьетнама в 1975 году. Последующие десятилетия всегда был связан с дорогой мне страной).

* * *

В школьном зале иногда нам показывали кинофильмы. Проекционный аппарат устанавливали тут же. Однажды что-то в нём щёлкнуло, и луч погас. Киномеханик в сердцах сказал: «Хана, пятьсотвольтовка!» Через месяц-другой он куда-то исчез. Говорили, что киномеханик был шпионом.

* * *

1953 год. Мартовским утром нас разбудило траурное сообщение: умер Сталин. Некоторые взрослые плакали, мы были растерянны. Сменяя друг друга, пионеры и комсомольцы стояли в карауле у бюста вождя. Один парень упал без сознания. Спустя годы я многое понял...

* * *

В классе одно время установились своеобразные порядки. Вдруг объявился самозванный «царь» (фамилию его называть не буду). У него тут же возникли «опричники», которые собирали всяческую дань и наказывали неугодных. Назревал протест. Постепенно образовалась группа «декабристов». Мы проводили тайные встречи, возмущались деспотическим режимом. Вместе с Игорем Рутковским писал «революционные» стихи. И вот час возмездия настал! Ровно в полночь в спальне вспыхнуло восстание. Не буду излагать подробности, но «царь» был свергнут...

* * *

В школе, естественно, была пожарная лестница. По ней старшеклассники убегали на свидания. Ночью их подстерегал дежурный воспитатель...

По этой лестнице с Володей Надашкевичем иногда я отправлялся на рыбалку. Клёв был отличный. С гордостью несли рыбу на длинных низках. В интернате улов сдавали на кухню.

Как-то в летние каникулы наш класс отправили в пионерлагерь близ Одессы. В вагоне было тесным-тесно. Меня устроили на третью верхнюю полку. Не помню, что мне снилось, но я, конечно, свалился. Видно, вниз меня тащила привязанная к руке торбочка с пирогами, которые на дорогу испекла мама. Ничего страшного не случилось: я даже не проснулся, но утром ощутил большую шишку. Впрочем, она быстро прошла, скорее всего, от целебной черноморской воды.

По ночам обычно устраивали разного рода потехи. Дрались подушками, прыгали «ласточкой» на кровати. Устраивали «тёмную» кому-то из провинившихся перед коллективом. В наказание драили мастикой паркет в коридоре, мыли туалет.

Бывало, ночью засыпал под кроватью, где читал с фонариком ту или иную книгу.

* * *

Утром нас выводили во двор на зарядку. Мы делали разные упражнения, бегали вокруг школы.

Спорт у нас был в почёте. Занимались в зале. Делали кульбиты, прыгали через «коня». Ощущение такое, что куда-то летишь.

Во дворе была волейбольная площадка, турник, яма с песком для прыжков. Играли в футбол. Штангами ворот служили два больших дуба. Я тренировался бить по мячу. Потом нашей команде выдали настоящие бутсы. Отпускали с уроков, чтобы мы могли потренироваться перед районным первенством.

В решающем матче мне доверили исполнить пенальти. Как сейчас помню, врезал гол, но судья его не засчитал, оказывается, я пробил без свистка. Пришлось бить во второй раз. Нога у меня подвернулась, и я лишь толкнул мяч. В ту же секунду вратарь решил, что я пробью в левый угол, и бросился в том направлении. А мяч катился в противоположный угол. К счастью для нашей команды, голкипер не успел перехватить его...

...Зимой мы заливали каток во дворе. Коньки привязывали верёвками к ботинкам и катились в своё удовольствие. Морозный воздух, радостные вопли, когда кто-то падал...

Были ещё лыжи. Мы гоняли по периметру двора, иногда выходили к оврагу у Покровского монастыря: крутые горки, аж дух захватывало! А если мчаться по ложбине вниз, то выскакиваешь прямо на трамвайный путь...

Конечно, мы строили снежные крепости и брали их штурмом...

* * *

Были ли мы непоседами, баловниками, хулиганами? Конечно, были...

Обычно на уроках я ёрзал на парте, старался подсказать тому или иному другу, который, стоя у доски, не знал, что ответить учителю. В ход шли гримасы, ужимки, диковинная артикуляция губ. На одном из уроков алгебры (не помню, как я мог подсказать бедолаге какими-то жестами решение сложной задачи), учитель мне поставил «кол».

В другой раз (это было ещё во втором классе) меня выгнали с урока. Я затворил за собой дверь, снял калоши, поставил их у створки, а сам босиком пошёл гулять во дворе...

Но это что! В старших классах мы стали курить. Собирались за сараем, разрывали газетные страницы, брали сухие дубовые листья, разминали их и делали самокрутки. И казались себе уже взрослыми.

... Однажды группа наших ребят забросала бутылками проезжавший по улице Артёма троллейбус. Приходил милиционер, но так никого и не задержал: круговая порука...

Ещё, бывало, интернатцы дрались с хлопцами из соседней школы, с «бананами» - курсантами артиллерийского училища. Признаться, я в этих экстримах не участвовал.

* * *

В классе висел табель поведения на месяц. Каждый день напротив фамилий учеников ставился квадратик – красный или чёрный. В воскресенье тех, у кого были родные, и кто имел достаточно хороших оценок за поведение, отпускали на побывку. В такие дни я помогал маме по хозяйству: колол дрова, ходил на базар...

* * *

1 мая и 7 ноября колонна интернатцев участвовала в столичных демонстрациях. На нас, ребят в парадной форме – синие брюки и кители, фуражки – было любо-дорого посмотреть. С вечера драили зубной пастой латунные пуговицы. До блеска начищали ботинки.

Хорошо пройтись по Крещатику под восторженные аплодисменты.

Помню, как в разные годы мы отшагивали вокруг школы не одну версту, исполняя бодрую песню: «Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать, то ли дело под шатрами в поле лагерем стоять...»

* * *

Каждый, наверное, хотел чувствовать себя орлом, особенно, в старших классах. Но не было орлиц, поскольку мы жили в мужском коллективе. Старшеклассники иногда бахвалились своими похождениями.

Пришло время, и наш класс стал приглашать на праздники девочек из соседних школ. Учитель музыки обучал нас танцевать вальс, падеспань и т.д. Всё было очень волнительно и романтично. Но, конечно, каждый грезил о чём-то интимном.

В классе девятом-десятом у нас была хорошенькая преподавательница английского языка Елена Васильевна. Когда изящная блондинка входила в класс, она, ощущая, вероятно, всем своим силуэтом наши пылкие взоры, всегда заливалась румянцем...

* * *

Летом 1956 года был устроен выпускной бал. Торжественный и грустный. Получил золотую медаль, хотя среди нас были более достойные ребята. Выпили по стакану шампанского. Гурьбой пошли на Днепровскую кручу. Близилось утро. Небо распахнуло нам свои объятия. Вставало солнце. Перед нами открывался горизонт взрослой жизни.

* * *

Всегда вспоминаю добрым словом других одноклассников – Валеру Венгриновича, Алика Гаспаряна, Вилю Примака, Милю Смыкуна... О них и других ребятах можно рассказать очень много хорошего. Но я отнюдь не Помяловский, который в «Очерках бурсы» дал столь яркие характеристики учащихся...

Из старшеклассников хочу выделить Виталия Царенко. Он стал известным китаистом. Мы встретились с ним вновь в стенах ЦК КПСС, где он долгие годы работал вначале референтом по Китаю, а затем заведующим

Секретариатом Отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Я же 13 лет был референтом в секторе Вьетнама.

Виталий очень добрый, мягкий, интеллигентный и пунктуальный человек. Он выполнял гигантский объём работы, его мозг – лучше любого компьютера. Он всегда поддерживал и поддерживает меня.

До выхода на пенсию Виталий работал в Российском союзе промышленников и предпринимателей.

Недавно от души поздравил старшего товарища с 70-летием и с «золотым» юбилеем супружеской жизни.

* * *

Я размышлял, как назвать мои воспоминания и решил: пусть это будет «Интернатский этюд». Это лишь частица моего душевного тепла. Ведь в спецшколе была заложена прочная база нашего будущего. Огромное спасибо всем учителям, воспитателям, дирекции, работникам всех служб, которые дали нам прекрасное образование и способствовали нашему становлению.

Большое же полотно о минувших чудесных временах может быть соткано только из многих сотен страниц, которые сложены и будут ещё рождены в сердце каждого интернатца....